
М. А. КУКАРЦЕВА

ОПЫТ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Проблема *выражения* исторического знания сопровождает последнее с момента его появления на свет. Как выразить, изобразить, рассказать, показать то, что было в прошлом. Человечество изобрело хроники; разного рода модели объяснения истории через закон (экономический, психологический, физический, логический и пр.); попыталось понять историю через вчувствование в ее агентов или эмпатию; через неотрефлексированные представления разных групп людей о мире, их матримониальное и витальное поведение; изобразить историю литературными средствами; рассказать ее альтернативы. И все время эти средства исследования исторического оказывались недостаточными. Разумеется, этому есть множество объяснений, которые достаточно теоретизированы, выявлены и исследованы плюсы и минусы эпистемологических моделей исторического познания, но решение проблемы все же не найдено. Возможно, оно не будет найдено никогда, человек будет стремиться к нему вечно и безнадежно. Вечно потому, что прошлое притягивает: что было, зачем, почему и почему именно так – от поиска ответов на эти вопросы отказаться невозможно, но такой поиск безнадежен, потому что, вообще-то говоря, истины об ушедшем найти нельзя, но идеал объективности остается для истории незыблемым (хотя само утверждение, что объективность в норме дана историографии, весьма спорно). Эта амбивалентность и даже парадоксальность исторического знания, на мой взгляд, имплицитно выражена в установке, сформулированной школой Анналов: *historie-probleme* – программа поиска и постановки новых проблем в исторических исследованиях. Эта программа открыта и вариативна, она может трактоваться и как сугубо научное предприятие, где обоснование объективности истории как научной дисциплины основывается на

отыскании некой ее вневременной инвариантной характеристики; и как литературное занятие, в котором объективность изложения в лучшем случае подкрепляется ссылками на известные свидетельства, в худшем – на свидетельства, почерпнутые из, метафорически говоря, выброшенной на берег бутылки.

Акцент западной историографии на науке атрибутивен. Историки конца XVII – начала XVIII в. разработали концепцию разных степеней правдоподобия в исторических утверждениях о прошлом и тем самым положили начало традиции взаимосвязи западной историографии и западной науки. Дебаты с наукой стали отличительной чертой западной историографии. Кроме того, в последней стало весьма популярным употребление термина «закон» («трибунал» истории), а также метафорическое уподобление деятельности историка детективному или судебному разбирательству.

Литературные формы западной историографии также являются отличительной чертой ее сущности. В целом свойственные истории как литературе иронический стиль, гиперболический скептицизм, дезориентирующий акцент на грубых ошибках исторического исследования и межтекстовые резонансы оставляют читателя несколько озадаченным, если не раздраженным в отношении того, как же необходимо относиться к излагаемым в тексте историческим событиям¹. П. Берк, например, подчеркивает длительную и запутанную историю связи литературы, культуры и искусства с западной историографией, указывает на наличие несомненных аналогий между историческими и литературными нарративами². Цель нашей статьи и состоит как раз в том, чтобы рассмотреть некоторые моменты этой истории, имеющие совокупное название лингвистического поворота в историописании.

Этот поворот, который имеет несколько (время от времени несовместимых) вариантов, в целом может быть понят как признание проблематичного характера языка или любой практики выражения символического поведения (например, ритуала, танца и пр.). Язык

¹ Мы отвлекаемся сейчас от подобного обсуждения того, что следует называть историческим фактом, событием, свидетельством и пр., присоединяясь к их общепринятому в исторической науке толкованию.

² Burke, P. *Western Historical Thinking in a Global Perspective – 10 Theses / Western Intellectual Debates*. N. Y.: Oxford, 2002. P. 25–26.

в этом смысле – непрозрачная среда, сквозь которую нельзя просто смотреть в целях репрезентации объекта или результата исторического исследования. Язык становится вещью и формулирует особый способ, которым читатель вовлекается в объект исследования – нарративный, поэтому лингвистический поворот еще называют поворотом к нарративной теории, или, говоря более общо, – к литературной теории. В своем усилии продумать характер и приемлемые границы историографии лингвистический поворот приносит в нее безграничную открытость литературе и теории литературной критики, включая также и базовые аспекты философии языка. Это смягчает абсолютную дихотомию между философией истории и теорией истории, опирающуюся непосредственно на практику истории, а также снимает понимание литературы, литературно-критической теории и философии в истории как в значительной степени отрицательных тождеств. Но акцент на нарративности истории не принес согласия в среду историков ни по поводу роли нарратива в историографии, ни по поводу точной природы и статуса процедур нарратива в истории и в литературе, особенно в отношении тенденции к осуществлению время от времени несанкционированного и некритического применения литературной теории к историографии. Здесь придание языку в практике историка первостепенного значения создает если не кризис в историографии, то, по крайней мере, затруднение.

Например, все, кто присоединялись к «лингвистическому повороту», должны были противостоять его проблемам и антиномиям. Например, таким проблемам, как: обладают ли нарративы объяснительным эффектом или исторические объяснения стали таковыми, будучи инкорпорированными в нарративы? Означает ли, что акцент на форме нарратива не требует от историка предоставления объяснений, и не означает ли это исчезновение истории как дисциплины? Мнения о том, являются ли нарративы объяснениями, оказались поляризованными между и защитниками научности истории типа Мазлиша и Манделбаума, и плюралистами в этом вопросе типа Минка и Дрея и не нашли четкого ответа.

Лингвистический поворот породил и ряд антиномий, например: «нарративные истории должны быть составными, поскольку они – истории, но не могут быть таковыми, поскольку они – нарративы,

имеющие собственное начало, середину и конец». Можно ли все-таки собрать вместе различные нарративы истории для того, чтобы выстроить единую картину Всемирной истории?

Луис Минк, очень много сделавший для решения данной дилеммы, считал, что нарративы могли быть соединены между собой по принципу *дополнительности*, то есть сочетанием нарративов различных историков, где один дополняет другой, или по принципу *замещения*: один полностью заменяет другой. Но, «хотя индивидуальные утверждения о прошлом могут быть истинны или ложны... нарратив есть больше, чем соединение утверждений, и поскольку он *больше*, он не удваивает сложное прошлое, но конструирует его»³. «Если мы придаем истории форму с помощью нарратива, то затем предполагаем найти ее в этой жизни»⁴, а это невозможно. Когда мы начинаем описывать структуры нарратива, мы обращаемся с ними как с артефактами, продуктами различных воображений и чувствований. Но нельзя сравнивать и дополнять исторические нарративы только на основании наших предпочтений того или иного тропа, который их формирует. Одна форма не может дополнить другую, т. к. они абсолютно различны и нет критерия различия реального и фикционального нарратива. Минк указывает, что, возможно, Коллингвудов тезис о единстве исторического мира мог бы стать таким критерием, но он тоже нуждается в длинном ряде уточнений. Кроме того, учитывая, что, как показал Данто, реферировать к событиям можно только согласно некоторой дескрипции, Минк подверг сомнению тезис о том, что об одних и тех же событиях могут быть рассказаны различные истории. Кажется естественным предположить, что о событиях может быть дано множество различных точных дескрипций, на различных уровнях общности, но будут ли это *те же самые* события? Они были бы таковыми только в том случае, если бы мы могли разграничивать события и обеспечивать их стандартные дескрипции, делая их таким образом эквивалентами атомов в классической физике. Но тогда форма нарратива вообще не была бы нужна для объяснения со-

³ Mink, L. *Narrative as a Cognitive Instrument*. Midwest MLA, Chicago, 1974. P. 9–10. См. также: Louis Mink's Linguistic Turn Memorandum to the Director of the Center for the Humanities at Wesleyan University // *History and Theory*, XXVI (1987).

⁴ *Ibid.* P. 10.

бытий. «Концепция события, прежде всего, связана с концептуальной структурой науки, которая очищена от всех нарративных коннотаций; это необходимо для того, чтобы наука могла быть идентифицирована и описана без какой-то необходимой референции на ее местоположение в некотором процессе развития и изменения, которое может репрезентировать только форма нарратива. Поэтому говорить о «нарративе событий» – значит фактически осуществлять подмену терминов»⁵. Поэтому можно утверждать, что нарратив не *создан* из событий или их дескрипций; скорее, уместность дескрипций управляется порядком нарратива, из которого он абстрагируется⁶. Но существует еще идея существования универсальной истории, неизменяемой тотальности того, «что фактически случилось», которая дает основания полагать, что все исторические нарративы могут быть в принципе быть связанными друг с другом⁷. Но вследствие невозможности серьезного возрождения жанра универсальной истории Минк предложил радикальную альтернативу: «отказаться от предположения, что есть установленная историческая реальность, сложный референт для всех наших нарративов – «что фактически случилось», невыразимая история, к которой нарративные истории приближаются»⁸. Значит, нет ни эмпирических, ни теоретических оснований для того, чтобы один исторический нарратив мог дополнять или замещать другой. Таким образом, обозначенная дилемма продолжает оставаться неразрешимой.

⁵ Mink, L. History and Narrative // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding ed. R. Canary and H. Kozicki. Madison, 1978. P. 16.

⁶ Ibid. P. 12–13.

⁷ Понятие и проблема универсальной истории принадлежит к числу «великих нарративов», утверждающих, что они передают смысл истории в целом. Выделяют четыре концептуальных типа универсальной истории: существует единственная универсальная история и она может быть рассказана (пересказана) сейчас; единственная универсальная история существует, но ее сообщение отсрочено к более поздней дате, после того, как будут произведены «дальнейшие исследования»; единственная универсальная история существует, но она никогда не может быть рассказана (Очевидно, что если размышлять в терминах нарративизма, то легко обнаружить здесь парадокс, потому что если великий нарратив не может быть рассказан, то он вообще не обладает *формой* нарратива.); единственная универсальная история недостижима, но ее можно попытаться написать. См об этом: Мегилл, А. «Великий нарратив» и историческая дисциплина / Монстера. М., 2004. Вып. 4 / пер. с англ. (Megill, A. 'Grand Narrative' and the Discipline of History // *A New Philosophy of History*, ed. Frank Ankersmit and Hans Kellner. London: Reaktion Books, and Chicago: University of Chicago Press, 1995).

⁸ Mink, L. History and Narrative. P. 13.

Лингвистический поворот в историописании означает, что нельзя конструировать объект исследования в чисто объективированной манере и производить непроблематичные рассуждения о его природе. Кроме того, нельзя рассматривать язык или значение как простые инструменты исследования, и они не могут быть редуцированы до статуса просто еще одного объекта исследования. С поворотом к языку период нормальной науки в историописании заканчивается и появляется новая парадигма.

Старая парадигма обязывает историка к сбору и анализу информации (предпочтительно архивной) об объекте изучения, новая – концентрирует внимание на чтении и интерпретации исторических текстов в целом на, так сказать, текстуализации истории. В принципе, старая парадигма может быть общей как концепции истории как науки, так и концепции истории как искусства нарратива, поскольку она построена на некоторой объективированной идее (науки или нарратива), где существует четкое разделение между наблюдателем и наблюдаемым. Наблюдатель выдвигает некоторые тезисы или гипотезы о наблюдаемом, которые подтверждаются или опровергаются через эмпирическое исследование.

Альтернативная концепция объективности, предлагаемая новой парадигмой, также подчеркивает важность полноты и точности в историческом исследовании, но при необходимом признании того факта, что именно язык помогает составлять объект исследования, что исторические утверждения зависят от выводов из исследования текстов, а не только свидетельств, и позиция историка не может считаться само собой разумеющейся. Субъективная позиция и индивидуальный голос историка есть интегральный компонент комплексного исследования в историографии. Здесь объективность есть цель процесса разработки диапазона позиций субъекта исторического познания (исследователя, читателя, историка), с его различными акцентами и артикуляциями. В результате традиционная оппозиция между текстами (нарративами) и свидетельствами подвергается сомнению. Свидетельства читаются текстуально, и свойственный им способ конструирования объекта становится вопросом критического исследования.

Историческое исследование в новой парадигме историописания объединено с чтением, письмом и интерпретацией текстов. Как

считают многие теоретики лингвистической философии истории, чтение есть решающий конститутив проблемы языка и оно неразрывно связано с письмом, хотя между ними и возникают время от времени проблемы и даже антагонистические отношения. Способ чтения подразумевает способ письма, и наоборот. Если меняется способ чтения, то меняется и письмо истории, в результате чего исторические работы приобретают различные формы. Письмо как текст является единственным достоверным историческим свидетельством любой эпохи, а история есть один ведущий текст как основа, контекст и продолжение любого вновь появляющегося текста. С точки зрения лингвистического поворота вся проблема историографии состоит в том, чтобы соединить письмо и чтение и попытаться определить основные способы придания значения в историографии.

Доменик Ла Капра, один из ведущих специалистов в области лингвистической философии истории, предлагает пять типов чтения исторических текстов: репрессивное, синоптическое, деконструктивистское, освобождающее, диалогическое. «Цель типологии состоит в упорядочении важных протоколов чтения, которые затрагивают одновременно и тематическое акцентирование по таким проблемам, как национальная и классовая принадлежность, гендер, сексуальная ориентация (заметные в марксизме, феминизме, этнических исследованиях, исследованиях сексуальных меньшинств), и научные дисциплины (особенно история, философия, социальная теория и литературная критика), хотя некоторые протоколы могут быть гораздо более отчетливы в одних темах исследования или дисциплинах, чем в других»⁹.

Репрессивное чтение характеризуется господством старой парадигмы исследования в историографии, что ведет к неспособности признать чтение как проблему. Репрессивное чтение ориентируется на репрезентативные методы прочтения исторических текстов. Здесь чтение носит неявный характер. Все тексты и документы редуцируются к их гомогенному статусу как источников или свидетельств, которые позволяют детерминировать определенные результаты исследования, те есть приоритет отдается архивным ис-

⁹ La Capra, D. *History, Language and Reading: Waiting for Crillon // History and Theory: Contemporary Readings* ed. B. Fay, P. Pomper, R. Vann. Oxford, 1998. P. 96.

точникам и обширному архивному исследованию, в котором критический анализ источников ограничен утверждением подлинности документов. Как правило, литературные или философские тексты рассматриваются как ненадежные источники, потому что они не сообщают четких фактов об эмпирических обстоятельствах. Поэтому их тенденциозно исключают из исследования или ссылки на них предельно сокращаются, выдвигаются требования их проверки более надежными документами. В этом подходе предпочитаем не приукрашенный, простой стиль изложения. Цель этого подхода к чтению состоит в том, чтобы разработать наиболее всеобъемлющее, панорамное чтение контекста, относительно которого тексты (нарративы) являются строго подчиненными, если не просто симптоматическими документами. Настойчивость на исчерпывающем исследовании темы, полном знании литературы, релевантной объекту исследования; способность проводить независимое исследование, дотошная осторожность в формулировании утверждений, в конечном счете, по мнению Ла Капра, сводят историческое понимание к ограниченной, констативной, эмпирически-аналитической модели историографии и порождают невнимание (если не презрение) к ее критической и самокритической теории.

Синоптический подход к чтению ориентируется на содержание или тему исследования, в некотором смысле он делает практику чтения более явной, хотя оно тоже не рассматривается как проблема в данной парадигме исследования. Литературные или философские тексты могут теперь быть объектами расширенного изучения или даже фокусами исследования. Но синоптический, или парафрастический, подход уместен только для краткого и ясного сообщения «результатов» чтения или подведения итогов беглого прочтения больших фрагментов текстов или документов. Кроме того, этот тип чтения уменьшает количество нюансов и концентрирует их в целях реконструкции объекта, часто исключая возможность диалогического, критического взаимодействия с прошлым и его артефактами. Синоптическое чтение разделяет с репрессивным господство старой парадигмы, то есть фокусирование на означаемом (или значении), игры с означаемым, внимание к референтам текстов. Именно по этой причине чтение (и письмо) остается относительно непроблематичным в этом подходе. Процедуры, которые

свойственны синоптическому и репрессивному типам чтения, например, полное исследование темы, важность доказательства эмпирических утверждений, осторожность в установлении различия между эмпирическими и более спекулятивными утверждениями, являются своего рода здравым смыслом в профессиональной историографии. Они могут быть время от времени неуместными, поскольку запрещают более интерпретирующие или спекулятивные методы, даже когда они ясно заявлены как таковые. Но тем не менее они ценны как всякий здравый смысл и как таковой они инспирируют заявки на более экстравагантные тенденции в чтении и интерпретации.

Но синопсис и его сопутствующие процедуры остаются основным и важным уровнем всего чтения, касающегося значения, референции и реконструкции объекта изучения. Синопсис может быть основным методом чтения в интеллектуальной и культурной истории. Как правило, цель такого чтения состоит в том, чтобы получить надежную информацию, выявить значение деклараций текста или документа и доказать некоторый охватывающий тезис об искомом периоде или событии. Здесь тексты, из которых могут быть извлечены факты, рассматриваются, прежде всего, как признак, иллюстрация или свидетельство эпохи. А тексты таких авторов, как Д. Джойс, В. Вулф, С. Бекетт или даже Деррида, могут быть объявлены нечитабельными, неразборчивыми или даже обскурантистскими, а сами авторы могут считаться непонятными и нигилистскими.

Деконструктивистский тип чтения ориентируется на нюансы текста и на точно найденные ответы читателя. Этот подход к чтению связан с весьма интересными реакциями на синоптический и репрессивный типы чтения. Деконструктивистское чтение руководствуется ассоциативными процессами восприятия текста. Через свои ассоциации и импровизации оно фактически *заставляет что-то случиться*, то есть делает историю его собственным способом, и это решительно отличается от всего, что могло бы показать более обычное чтение. Ла Капра связывает крайности деконструктивизма с идеями П. де Мана, М. Фуко, Ф. Лакана, Р. Барта – практически со всеми маститыми постструктуралистами, кроме Деррида. Следуя «перегруженной самонадеянностью тропой», они, по мнению Ла Капра, опустили сущностную идею деконструктивизма в «уни-

версальный растворитель», и им требуется время для того, чтобы быть готовыми соперничать с Деррида, и поэтому предложенный ими тип деконструктивистского дискурса «по необходимости» обречен на саморазрушение.

В деконструктивистском типе чтения выделяют радикальные формы деконструкции, разнесение и строгое неправильно-чтение. Первые представлены, например, в работах Поля де Мана. «В этом типе чтения значение (или означаемое) имеет тенденцию быть устранимым или, по крайней мере, взятым в скобки, и внимание приковывается к загадочной игре означаемого, которая становится произвольной, механической, жестокой, «свободной» игрой. Кроме того, важный акцент на условии возможности исторического явления или процесса может быть абсолютизирован так, что эти условия заменяют собой истории, а не сообщают их и ведут к абстрактному, метафизическому способу анализа, в котором специфика исторического потеряна или затенена»¹⁰.

Разнесение как взрыв взламывает семантический горизонт текста, избавляется от главного означающего в тексте, его (текста) смысла-опекуна. Разнесение так же, как строгое неправильно-чтение, в определенной мере сопоставимо со стилем «riff» в джазе, где один музыкант импровизирует на мелодии или в стиле более раннего музыканта. Здесь, как и в джазе, некоторые пассажи могут быть более интересными, чем сам оригинал. Строгое неправильно-чтение формулирует свой объект в непредсказуемой, странной, перформативной (интенсивное переписывание) манере. Чем интенсивнее строгое неправильно-чтение, тем оно более перформативно, тем более оригинальным способом оно обнаруживает то, что не очевидно в тексте, который становится как бы его пра-текстом. Этот процесс наиболее интересен, когда чтение такое же изобретательно-творческое, как и сам текст, например, Деррида или Р. Барта. Кроме того, разнесение и строгое неправильно-чтение может ввести в игру практику радикальной деконтекстуализации, посредством чего текстовые сегменты отъединяются от их собственного времени или места и в их переписанной форме принуждены принимать новые, неслыханные значения¹¹.

¹⁰ La Kapra, D. *History, Language and Reading: Waiting for Crillon // History and Theory: Contemporary Readings* ed. B. Fay, P. Pomper, R. Vann. Oxford, 1998. P. 100.

¹¹ *Ibid.* P.102.

Деконструктивистское чтение часто обобщается в «свободный косвенный стиль», что свойственно монологическому подходу к чтению текстов, однако может быть и внутренне диалогическим или даже противоречивым, например, стиль в котором написаны книги Фуко, и это – одна из причин того, почему книга «захватывает» как способ письма, но сомнительна как история. В таких работах «голоса» текста, классифицированные как «безумные» или радикально «другие», не взяты в кавычки или не прокомментированы должным образом, но введены в текст для того, чтобы оттенить собственную яркую прозу Фуко и его стиль. В истории правят случай и разрывность, утверждает Фуко и вводит понятие «дисконтинуитета» истории. Основываясь на нем, а также на ницшеанском разделении антикварной, монументальной и критической историографии, Фуко определяет три возможных способа обращения с историей: фарсовое раздвижение границ монументальной истории; отказ от традиционной схемы исторического развития и, как следствие, потеря собственного «я» истории, мимикрия и дисперсия в многообразии исторического; отказ от воли к истине и, как следствие, апелляция к воле к глупости. Прав был Сартр, когда писал, что Фуко, по сути дела, отвергает историю: «Конечно же, перспектива у него историческая. Он различает эпохи, до и после. Но он заменяет кино волшебным фонарем, движение – чередой неподвижных состояний»¹². Стиль книг Фуко является только внутренне диалогичным, но в базовом смысле все еще монологическим (или самолюбленным), потому что ассимилирует голоса других, не уважая их сопротивление этой ассимиляции. «Внутренне диалогический, действительно радикально фрагментированный стиль, который повторно обрабатывает голоса других, может быть теоретизирован и квалифицирован как «шизофренический» в попытке разбить «параноидальную» жесткость классического или обычного письма. Но опасность в том, что желательная альтернатива паранойе есть стратегически ожидаемый выплеск потоков «шизо»-энергии и желания»¹³.

Деконструктивистское чтение в целом, по мнению Ла Капра, иллюстрирует наиболее сомнительное отношение к историческому чтению и интерпретации. Он осуждает «творческое неправильно-

¹² Цит. по: Табачникова, С. В. Комментарий // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 350.

¹³ Там же. С. 103.

истолковывание» (creative misreading), свойственное деконструктивистскому типу чтения, где объявляется законной односторонняя субъективная агрессия читателя в интерпретации текста. Можно доказывать, что историческое чтение должно обратить пристальное внимание на «голоса» других и пробовать восстановить эти «голоса» так аутентично и так тщательно, насколько это возможно, однако проблематична сама реализация этой задачи. Поэтому важна контекстуализация в подходах, подчеркивающих значение чтения и интерпретации, хотя можно обсуждать точную форму и пределы контекстуализации в историографии. Кроме того, в истории не может быть принципом то, что чем более строго неправильно-чтение, тем лучше, история не подражает творческому письму и ограничена другими нормами исследования. В истории осуществляется попытка реконструировать объект исследования таким, каким он был в прошлом, и вступить с ним в диалог, чтобы обнаружить его потенциал в настоящем и в будущем, и эти два процесса в целом различны и взаимонаправленны. Вряд ли деконструктивистские и постструктуралистские подходы к истории могут конструктивно осмыслить это различие, предлагаемый ими обобщенный свободный косвенный стиль или средний голос, нейтрализующий и разрушающий бинарные оппозиции, разрушает и все различия, считает Ла Капра.

Мы полагаем, что деконструктивизм в историописании, с одной стороны, предложив операцию введения радикальной текстовой двусмысленности и даже многосмысленности, *открыл* мир установленных форм традиционной историографии. «Деконструктивизм принимает факт того, что содержание истории, подобно таковому же в литературе, определенное во многом природой языка, имеет обыкновение описывать и интерпретировать это содержание, которое добыто исследованием документальных источников»¹⁴. Деконструкция может быть ценной в обнаружении внутренних напряженных отношений, противоречий и апорий текстов, может обозначать проблемы, которые не были и все еще не могут быть признаны, продуманы и исследованы в историографии. В таких формах (особенно у Деррида) она может обозначить значение и

¹⁴ Munslow, D. Deconstructing History. New York, 1997. P. 18, 19.

роль игры в исторической работе. Деконструктивистское чтение обладает способностью обнаруживать некие скрытые значения в тексте историка и показывать то, чем именно, кроме известного, может быть интересен этот текст. Но, с другой стороны, деконструктивизм не задумывается о правдоподобии этих новых представлений о прошлом, что свойственно профессиональному историку, и множит количество фикциональных нарративов. Поэтому вопрос о полезности деконструктивистского вмешательства в историописание остается открытым.

Освобождающий тип чтения противоположен деконструктивистскому, является более распространенным в историографии и реализуется через интерпретационные (герменевтические) процедуры¹⁵. Эта модель чтения весьма распространена на нетеоретическом, обыденном уровне восприятия истории, в котором есть определенное стремление разыскать значение прошлого опыта, часто в терминах, например, игры. Внимательное чтение или внимание к нюансу – не сильная сторона этого типа чтения. Ему свойственна неогегельянская структура референции, которая применяет к истории модель спекулятивной диалектики, в которой феномен прошлого «трансцендирован» (*aufgehoben*) с небольшими потерями во времени. История предстает как история значения. Там, где радикальные формы деконструкции имеют тенденцию ликвидировать значение, даже если оно кажется существенно важным, герменевтические подходы могут находить удовлетворительное или полное значение, заполняя лакуны, которые, казалось бы, отмечали его предел. Освобождающее чтение часто ведет к проективной переработке прошлого: то, чего хочется в настоящем и что фигурирует в прошлом, имеет тенденцию стать транслятором современных ценностей в будущее. Контекстуализация понимается как полное значение текста или как опыт, доступный интерпретатору через схватывание значения в контексте прошлого текста или феномена полного ряда событий или даже традиции.

Диалогический тип чтения Ла Капра считает наиболее адекватным исторической работе. Его суть заключается в направляемом и критическом диалогическом обмене с прошлым. Свое понимание

¹⁵ О роли интерпретации в новой философии истории подр. см.: Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

диалогизма он основывает на работах Бахтина: как внутреннюю форму диалога культурных миров, как диалог сил языка и социальных агентов в различных исторических контекстах. По мнению Ла Капра, диалогический подход к чтению в историописании основан на различии между точной реконструкцией объекта изучения и обменом этим объектом с другими исследователями. При этом само это различие указывает на пределы диалогизма. Различие между реконструкцией и обменом не подразумевает установления бинарной оппозиции. Обмен информацией с другими исследователями необходим для формирования современного контекста объекта исследования, что особенно важно в отношении таких объектов, как Холокост, или текстов, которые требуют ответа, не ограниченного чисто эмпирически-аналитическим анализом или контекстуализацией.

Комбинация точной реконструкции и диалогического обмена предоставляет важное место «голосам» других и одновременно оставляет место для голоса автора. В результате, расставляемые в тексте акценты создают возможность для возможного неправильного чтения или интерпретации, когда в этом действительно есть нужда. «Принцип здесь состоит в том, чтобы такие акценты действительно были достаточно обширны, чтобы обеспечить читателя основанием для чтения. В чтении текста наиболее просто можно формулировать комбинацию реконструкции и диалогического обмена в терминах двух связанных вопросов: каково другое высказывание? как я – или мы – отвечаем на него?» – пишет Ла Капра¹⁶. Безусловно, здесь есть немало трудностей, потому что понимание речи другого требует определения, возможно, буквального и фигуративного значения голоса, определения роли и места иронии, пародии, позиционирования субъекта вообще, возможного вмешательства бессознательных сил вытеснения и опровержения и артикуляции неразработанных потенциалов текста или особенностей произнесения искомого автором текста и пр. Деконструктивизм иногда способствует диалогическому обмену, указывая на точки, в которых попытка диалогического обмена блокирована, потому что травмирующий читателя аспект текста настолько большой, что это делает

¹⁶ La Capra, D. *History, Language and Reading: Waiting for Crillon*. P. 112.

обмен и даже сам язык чтения вообще разрушенными – возможность, которая означает не тщетность всего диалога, но признание его пределов. Но диалогический подход не постулирует антиномию между чтением и интерпретацией, герменевтикой и поэтикой, работой и игрой. Он исследует возможность и пределы значения прошлого, опираясь на настоящее и будущее. Он указывает на то, что основные проблемы в чтении и интерпретации могут, в конечном счете, быть нормативны в исторической работе, например, проблема отношений между историографией, этикой и политикой. Диалогическое измерение исследования обозначает проблему субъективной позиции исследователя в изучении прошлого, которая нередко обусловлена этическими и политическими проблемами, биографией исследователя. Здесь вводится понятие участия наблюдателя во взаимодействии историка с объектом исследования, что развивает, как полагает Ла Капра, новую этику чтения исторических текстов.

Мы рассмотрели в некоторых аспектах проблему чтения и отчасти проблему письма исторического текста в лингвистической философии истории. С ее точки зрения именно они дают «власть» над читателем. Создание событий означает создание читателя, который может опознать событие «как событие» и, когда оно репрезентировано, может следовать его логике в соответствии с возможностями его прочтения (*readability*). Читатель только до некоторой степени сам конструирует события, нередко в противоположность официальным действиям и интенциям их принципиальных участников. Все зависит от типа чтения. В репрессивном типе читатель знает сюжет, который конституирует события определенного типа, и отказывается признать за события что-либо еще, происходящее в рамках известного описания. Здесь читатель всегда следует понятию исторической идентичности и своему индивидуальному и социальному опыту, знанию. Но на формирование отношения читателя к событию оказывает влияние не непосредственное впечатление от события, которого вообще может не быть, но впечатление сугубо когнитивное, априорное, которое еще можно назвать аллюзионно-имажинативным, или вторичным историческим творчеством. Образ данного события как бы «насаживается» на инвариантный образ «чего-то подобного», и происходит акт идентификации.

Этому во многом способствуют иные типы чтения, особенно диалогический. Во всех типах чтения особая роль отводится понятию контекста и контекстуальности в исторической работе.

Проблема исследования контекста или субтекста в исторических исследованиях сама по себе не нова. В самом общем виде контекст есть то окружение, в котором находится текст. Контекст необходим для того, чтобы заменить неопределенность, присущую тому или иному аспекту текста, определенностью или, наоборот, породить неопределенность из определенности. Исходя из структурных оснований на семиотических свойствах текста выделяют знаковый, смысловой, предметный (денотативный), прагматический контексты, на теоретико-системных свойствах – конструктивный, идентифицирующий, дифференцирующий, вариативный, мигрирующий, детерминирующий и другие виды контекста¹⁷. Также существует контекст вещей (реистический), контекст свойств (атрибутивный), контекст отношений (реляционный). Каждый из видов контекста, граница между которыми подвижна, выполняет свойственные ему регулятивную, уточняющую, дополняющую и иные функции, необходимые данному тексту.

Абсолютизация контекстуальной точки зрения, например, на смысл исторических событий приводит к тому, что контекст почти автоматически определяет содержание исторического текста, в противовес ее парадигматической трактовке последнего¹⁸. Понятие контекста широко используется, например, в микроистории, где он понимается, как пишет Дж. Леви, как «промежутки между взаимодействующими нормативными системами»¹⁹. По его мнению, исследование такого контекста помогает, например, понять истинное значение петушиных боев в балинезийской культуре. Вообще, нужно сказать, что существует два способа прочтения социального контекста в историографии: во-первых, как того места, которое приписывает значение, казалось бы, странному и аномальному, обнаруживая скрытые несообразности в системе. Во-вторых, как спо-

¹⁷ Дмитриевская, И. В. Текст как система. Порядок. Сложность. Информативность. Иваново, 1988. С. 28–38.

¹⁸ См. об этом: Камчатнов, А. М. История и герменевтика славянской библии. М., 1998. С. 67–70.

¹⁹ Levi, G. On Microhistory // *New Perspectives on Historical Writing*. Cambridge: UK, 1997. P. 107.

соб обнаружения того, где очевидно аномальные или незначащие факты приобретают значение при открытии скрытых несообразностей унифицированных социальных систем.

По мнению Ла Капра, историк работает преимущественно с контекстом и во многом на его основе строит текст, поэтому крайне важно найти правильный баланс текста и контекста, определить верную стратегию прочтения контекста, выяснить, что именно может служить контекстом. Ла Капра полагает, что контекст есть род текста и решение общей проблемы исторического понимания есть поле обсуждения взаимоотношений текста и целой цепи уместных контекстов. Такой компаративный подход создает единый «контекст», необходимый для спецификации любого отдельного контекста. Ла Капра отрицает понятие контекста как синхронического целого, расположенного в определенном месте и времени. Он настаивает на «интерактивном контексте», то есть на преимущественном отношении «текст – читатель». Исследователю очевидна сложность взаимодействия текста и его контекстов, и он видит основной вопрос в том, как именно текст приходит к соглашению со своим контекстом²⁰. Ему ясно, что каузальные структуры не должны выстраиваться в направлении «контекст – текст», потому что объект исторического исследования не помещается целиком в контекст исторической работы. Как раз здесь уместно «интертекстуальное» прочтение, чуждое редуционистского всеупрощения, конвертирующего контекст в доминантную структуру текста или наоборот. Ла Капра предлагает, чтобы все источники текста были не просто «документированными» элементами: документы (образы реальности) не должны быть просто «выпотрошены» в целях получения максимального объема полезной информации, они и без этого дают богатый урожай исторической интерпретации. Документы читаются и для отыскания «работоподобных» (worklike)²¹ элементов, например литературных текстов, служащих богатым материалом для исследования той исторической эпохи, отражением которой они являются. В этом случае, считает Ла Капра, интерпретация прошлого осуществляется не только текстом исторического нарратива и не только автором этого текста и его интенцией. Здесь связь

²⁰ La Capra, D. *History and Criticism*. Ithaca: N. Y., 1985. P. 141.

²¹ La Capra, D. *Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language*. Ithaca, 1983. P. 29–30.

«текст-автор» второстепенна, важнее интеллектуальные усилия самого читателя, процесс чтения текста. В этой связи Ла Капра не случайно обращается к идеям М. Бахтина, подчеркивая, что историки имеют диалоговое отношение с прошлым: ни историк, ни само прошлое не имеют абсолютной гегемонии в исторической работе, их соединяет только письмо читателя. Познание в истории осуществляется через постижение смыслов, т. е. через диалог текстов и читателя²².

В заключение можно сказать, что лингвистический поворот в историописании свидетельствует о том, что современные литературные теории все больше определяют интеллектуальное основание истории и философии истории, а параллели между реализмом в истории, литературе и изобразительном искусстве понемногу трансформируются в фундамент исторической работы. История, конечно, может и должна использовать литературные концепции, но при этом оставаться все-таки историей и всегда идентифицировать себя как таковую. Увлечение литературными аспектами исторической работы, пантекстуализм ведут к исчезновению референциальности в исторической работе, потере чувства объективности реальных отношений в мире и в мире истории в частности. Если этого не удастся избежать, то навсегда верным останется утверждение, что «историк должным образом ответственен только за его собственные личные ошибки, но он их никогда не может вычислить, так как это безнадежно переплетено с условиями его образования, его общества и его возраста... Некоторые историки неточны больше, некоторые меньше; но лучше всего всегда знать об опасности грубых ошибок, от совершения которых никакая предосторожность и никакая осторожность не могут спасти. ...Ощущая ловушки, которые окружают его, автор истории может только ждать в тихой надежде, что никто не будет читать его – по крайней мере со слишком большим вниманием»²³.

Работа поддержана грантом РГНФ № 03–03–00616а.

²² La Capra, D. Bakhtin, Marxism and the Carnivalsque / La Capra, D. Rethinking Intellectual History. P. 291–324.

²³ Adams, H. Count Edward de Crillon // American Historical Review, 1, (1895–6). P. 52.